

Khiva Zindan–Pit in the Middle of the 19th and the early 20th Centuries: the Transformation of Khorezm's Prisons in the Comparative Context of “East–Russia–West”

Olga N. Naumenko¹ (a), Dilmurad K. Babajanov² (b),
 Bekzod O. Jumaniyazov³ (a), & Akmal I. Atadjanov⁴ (a)

(a) Urganch Innovation University. Urgench, Uzbekistan

(b) Khorezm Academy of Mamun. Khiva, Uzbekistan

Received: 22 May 2025 | Revised: 30 July 2025 | Accepted: 6 August 2025

Abstract

The state of places of detention reflects the civilizational characteristics of the state, and the reform of the prison system under the influence of legal concepts that are not characteristic of society leads to the emergence of syncretic types of penitentiary institutions. The evolution of the Khiva zindans under the influence of the Russian Empire has not yet been studied, including with due regard for the alternative of the British protectorate, the voluntary establishment of which was planned by the Khan of Khiva in 1872. The purpose of this study is, using the example of the zindan-pit located on the territory of the historical and architectural complex of Ichan-Kala (Khiva, Republic of Uzbekistan), to consider the cultural and legal contradictions between the Russian Empire and Khorezm in the mid-19th and early 20th centuries, as well as to analyze the process of transformation of the places of detention of the Khanate of Khiva under the influence of the Russian prison reform of 1879, in a comparative context with the Western European legal tradition and British colonial policy. The results of the study showed the similarity of the Khiva zindan-pit to the European oubliettes; however, the medieval inquisitorial practices of Western Europe were not typical of Khorezm. Under the protectorate, the spread of the Prison Reform of 1879 to the Khanate of Khiva led to a combination of Russian and Central Asian penitentiary traditions, with the gradual abandonment of cruel punishments, which led to the transition to a continental legal system that replaced Sharia law during the Soviet period. This happened in a short time, unlike the penal reforms in the colonies of Great Britain, where numerous, sometimes contradictory, acts were created within the framework of the Anglo-Saxon legal system, and the British authorities used the local tradition of cruel punishments to strengthen their influence

Keywords

Zindan; Khorezm; Khanate of Khiva; Central Asia; Places of Detention; Pit; Prison Reform in 1879; Russian Protectorate; British Empire; Colonialism

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: oolgann[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4601-987X>

2 Email: dilmurodbek1602[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0009-0007-5449-5984>

3 Email: bekozod.jumaniyazov[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0009-0002-4442-7295>

4 Email: kirotdci_89[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0009-0004-1575-1736>

Хивинский зиндан-колодец в середине XIX – начале XX вв.: трансформация мест заключения Хорезма в сравнительном контексте «Восток-Россия-Запад»

Науменко Ольга Николаевна¹ (а), Бабаджанов Дилмурод Камилович² (b), Джуманиязов Бекзод Очилевич³ (а), Атаджанов Акмал Икрамович⁴ (а)

(а) Ургенчский инновационный университет. Ургенч, Узбекистан

(b) Хорезмская академия Мамуна. Хива, Узбекистан

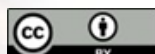
Рукопись получена: 22 мая 2025 | Пересмотрена: 30 июля 2025 | Принята: 6 августа 2025

Аннотация

Состояние мест заключения отражает цивилизационные особенности государства, а реформирование тюремной системы под воздействием не свойственных обществу правовых представлений приводит к появлению синкретичных видов пенитенциарных учреждений. Эволюция хивинских зинданов под влиянием Российской империи пока не изучена, в том числе с учетом альтернативы – британского протектората, добровольное установление которого планировалось Хивинским ханом в 1872 г. Цель исследования заключается в том, чтобы на примере зиндана-колодца, находящегося на территории историко-архитектурного комплекса Ичан-Кала (г. Хива, Республика Узбекистан), рассмотреть культурно-правовые противоречия между Российской империей и Хорезмом в середине XIX – начале XX вв., а также проанализировать процесс трансформации мест заключения Хивинского ханства под влиянием российской Тюремной реформы 1879 г. в сравнительном контексте западноевропейской правовой традиции и британской колониальной политики. Результаты исследования показали сходство хивинского зиндана-колодца с европейскими ублиетами, однако средневековые инквизиционные практики Западной Европы оказались нехарактерны для Хорезма. В условиях протектората распространение на Хивинское ханство Тюремной реформы 1879 г. привело к сочетанию российских и среднеазиатских пенитенциарных традиций с поэтапным отказом от жестоких видов наказаний, что в советский период обусловило переход к континентальной системе права, заменившей шариат. Это произошло в короткие сроки, в отличие от реформ уголовного права в колониях Великобритании, где в рамках англо-саксонской правовой системы создавались многочисленные, порой противоречащие друг другу акты, а английские власти использовали местную традицию жестоких наказаний для укрепления своего влияния.

Ключевые слова

Зиндан; Хорезм; Хивинское ханство; Средняя Азия; места заключения; колодец; Тюремная реформа 1879 г.; российский протекторат; Британская империя; колониализм

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: oolgann[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4601-987X>

2 Email: dilmurodbek1602[at]gmail.com ORCID <https://orcid.org/0009-0007-5449-5984>

3 Email: bekozod.jumaniyazov[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0009-0002-4442-7295>

4 Email: kirotsi_89[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0009-0004-1575-1736>

Введение

В XIX в. Хивинское ханство находилось в сфере экономических и политических интересов Российской и Британской империй. Россия решала в Средней Азии важные для себя стратегические задачи, а контроль над Хорезмом и водными артериями Амударьи означал торговые преимущества, включая беспрепятственный путь в Индию. Кроме этого, имидж России как защитницы русских, православных и в целом своих подданных не позволял долго игнорировать нарушение Хивой взятых в 1840 г. обязательств, связанных с прекращением рабства регулярно похищаемых российских граждан.

Конкуренция между империями создала для Хорезма два альтернативных пути развития: в рамках российского протектората или британского колониализма, т.к. сохранение суверенитета представляется маловероятным. Оба варианта неизбежно влекли реформу уголовно-правовой сферы: под влиянием или англо-саксонской традиции, или континентальной (романо-германской), к которой относилась Россия. Хивинское ханство более 1000 лет жило в рамках мусульманского права, а его вассально зависимые племена наряду с исламом применяли обычай. В целом в середине XIX в. на территории Хорезма пересеклись не только четыре правовые системы, но и разные мировоззренческие подходы и взгляды на преступление и справедливость возмездия. Сам регион оказался в ситуации неизбежных перемен: любой из двух потенциальных путей означал включение Хивинского ханства в правовую систему той или иной империи с созданием в перспективе синкретичного европейско-мусульманского законодательства и соответствующей ему пенитенциарной системы.

В 1873 г. над ханством был установлен Российский протекторат, что изменило историческую судьбу Хорезма. Между тем при распространении российского влияния проявился исторический феномен – системный культурно-правовой конфликт, который был обусловлен различиями в европейском и восточном мировоззрениях, а также стал следствием информационной войны против России. Противоречие правовых систем составляло характерную черту отношений Российской империи со всеми среднеазиатскими ханствами, но в Хорезме это явление проявилось более отчетливо в силу региональных особенностей. Хивинское ханство с относительно небольшим населением со всех сторон было защищено сложно проходимыми пустынями и другими естественными преградами; оно контролировало множество кочующих племен и экономически было менее развито, чем соседние ханства, утратив значение одного из важнейших центров международной торговли; туда медленнее доходило иностранное влияние – все это в комплексе создавало условия для консервации традиций, которые в виде адата функционировали как часть местных правовых представлений.

Цель исследования заключается в том, чтобы на примере зиндана-колодца, находящегося на территории историко-архитектурного комплекса Ичан-Кала (г. Хива, Республика Узбекистан), рассмотреть культурно-правовые противоречия между Российской империей и Хорезмом в середине XIX – начале XX вв., а также проанализировать процесс трансформации мест заключения Хивинского ханства под влиянием российской Тюремной реформы 1879 г. в сравнительном контексте западноевропейской правовой традиции и британской колониальной политики.

Научная новизна статьи заключается в следующем: 1) в исследовании ранее не изученной страницы истории Хивинского ханства – его пенитенциарных учреждений; 2) в анализе влияния российской Тюремной реформы 1879 г. на трансформацию мест заключения Хорезма; 3) в сопоставлении хивинского зиндана-колодца с западноевропейской инквизиционной традицией.

Степень изученности проблемы

История хивинских зинданов пока не написана: нет ни одной публикации по этой теме. В современных исследованиях единственная характеристика пенитенциарных учреждений Хорезма представляет собой краткий сюжет объемом в один абзац в монографии Р. Ю. Почекаева, где содержится обзор свидетельств XIX – начала XX вв. Автор сделал вывод, что «тюрьмы в Хиве... появились под бухарским влиянием и по бухарскому же образу и подобию» (2019, с. 91). Отметим, что схожесть зинданов Хивы и Бухары (и Самарканда) объясняется другими факторами: с одной стороны, восточной пенитенциарной традицией; с другой стороны, общей тенденцией российского влияния, которое в пенитенциарной сфере отчетливо проявилось в начале XX в. и отразилось даже на архитектуре хивинских, бухарских и кокандских дворцов.

Публикации по истории ханского правосудия дают общую картину системы наказаний, что помогает определить особенности функционирования зинданов на территории Хорезма. Наиболее близки к теме исследования научные труды, касающиеся судопроизводства в Средней Азии и на Кавказе в XIX – начале XX вв. (Амиршоев & Абдулов, 2014; Мухитдинов, 2018; Мухитдинов, 2020; Надирова, 2023; Почекаев, 2018; Почекаев, 2024; Шоев, 2023; Шодиев, 2008; Чахкиев, 2003; Юсупов, 2016 и др.). В некоторых публикациях упоминаются среднеазиатские зинданы-ямы: в частности, в статье А. А. Мухитдинова приводится описание бухарского образца со скорпионами внутри (2020, с. 131).

В монографии Д. Ю. Чахкиева анализируются аналоги европейских ублиетов (тюрем-колодцев), расположенные на территории Ингушетии (2003). Автор считает, что при их организации присутствовали архитектурные заимствования из средневековой Европы. Хотя монография подвергнута критике (Ахриев, 2024), сходство системы уголовных наказаний в государствах Запада

и Востока логично предполагает возможность взаимного использования пенитенциарного опыта.

На основе сохранившихся письменных свидетельств в современной историографии также рассмотрена практика арз (арздод) – ханского суда в Хиве (Абдурасулов, 2015; Sartori & Abdurasulov, 2020; Почекаев, 2024, с. 378–379). Арз был напрямую связан с пенитенциарными учреждениями: арестованные ожидали суда, находясь в зинданах, но, судя по регулярности рассмотрения дел, заключение длилось недолго. Авторы обратили внимание на то, что судебный процесс касался преимущественно уголовных дел по жалобам подданных, проходил на основе сложившихся ритуалов, занимал менее одного дня и нередко передавался на рассмотрение чиновникам: такой механизм не исключал ошибки и предвзятость суда при вынесении приговора, включая лишение свободы.

Несколько исследований посвящены политике Российской империи, направленной на отмену жестоких уголовных наказаний в Дагестане (Исмаилов & Сулейманов, 2016), Бухаре (Почекаев, 2022) и в целом в Средней Азии (Науменко & Абдуллаев, 2024 и др.), где также упоминаются зинданы. Анализируя процесс трансформации уголовных представлений в Дагестане, авторы пишут о сложностях, связанных с отказом от норм адата и практикой периодического возврата к прежней системе наказаний даже в условиях Российской империи. В итоге реформа была проведена, и в конце XIX в. в регионе начали функционировать тюрьмы по российскому образцу. В статье О. Н. Науменко и У. И. Абдуллаева (2024) также указывается, что отказ от жестоких наказаний стал поводом к Андижанскому восстанию 1898 г., после чего его руководители были отправлены на сибирскую каторгу. В этой статье вопрос о трансформации уголовного законодательства в Средней Азии рассмотрен в сравнительном контексте с изменением норм шариата у сибирских бухарцев. Авторы приходят к выводу, что политика Российского правительства была апробирована вначале на них, а затем применена на территории протектората. В статье Р. Ю. Почекаева (2022) поставлен вопрос о том, почему в Бухаре не удалось отменить жестокие виды уголовных наказаний. Вступая в дискуссию с автором, можно отметить, что понятие «жестокие наказания» отличалось в российском и восточном мировоззрении; в Бухаре произошла их частичная отмена, но оставшиеся тоже понимались как жестокие с точки зрения российской правовой культуры того времени.

Пока нет исследований, которые проанализировали бы историю среднеазиатских зинданов в сравнении с пенитенциарной системой России и в соответствии с Тюремной реформой 1879 г., хотя в целом трансформация российских мест заключения рассмотрена достаточно полно (Гернет, 1951–1956; Бортникова, 1999 и др.). Многочисленные работы по истории пенитенциарной системы России касаются либо отдельных регионов, либо рассматривают юридические аспекты проблемы без связи со среднеазиатскими зинданами.

Действие англо-саксонской правовой системы на территории британских колоний — тоже достаточно популярная тема, представленная прежде всего англоязычной историографией (Joireman, 2001; David & Brierley и др.), а также российской (Крашенинникова & Трикоз, 2017; Крашенинникова & Трикоз, 2018 и др.). Авторы анализируют разные модели адаптации колоний к уголовному праву доминиона, но т.к. Средняя Азия не входила в колониальную систему Великобритании, ханские тюрьмы не изучались с точки зрения их соответствия английскому законодательству. Соответственно, европейские ублиеты также пока не рассматривались в сравнительном контексте с хивинским аналогом.

В целом в современных исследованиях пенитенциарные учреждения отражены как часть карательной системы среднеазиатских ханств, но без акцента на их трансформацию под влиянием России или Европы. Анализ историографии показывает, что публикации, отражающие цель настоящей статьи, в настоящее время отсутствуют.

Источники, методология и методы

Источники исследования включают 4 группы.

Первая группа – архивные материалы из Государственного музея-заповедника Ичан-Кала (г. Хива, Узбекистан) и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (Россия). Документы из фондов Ичан-Калы представляют собой ханские ярлыки разного содержания на староузбекском языке в арабской графике, которые дают представление о процессе судопроизводства в Хивинском ханстве и ведении документации, что важно для понимания роли ханской власти в определении уголовных наказаний. Материалы фотофонда дополняют документальные источники. Архив г. Тобольска содержит материалы о Тюремной реформе 1879 г., а также об условиях содержания арестантов в российских тюрьмах в XIX в., что позволяет провести сравнительный анализ с хивинскими зинданами и выявить изменения, происшедшие под влиянием российского протектората.

Вторая группа – материальные источники (экспонаты музейных коллекций и архитектурные объекты), которые обнаружены в трех регионах: 1) Государственный музей-заповедник Ичан-Кала в Хиве, где в пределах дворца Куня-Арк находятся экспозиция «Правосудие ханского периода» и архитектурный объект «Зиндан» (Узбекистан); 2) Музей судопроизводства Бухары «Зиндан» – филиал Бухарского государственного музея-заповедника (Узбекистан); 3) Музей средневековых пыток и наказаний замка Нессельбек в Калининградской области (Россия). Историко-архитектурные комплексы Хивы и Бухары включают помещения зинданов, исследование которых позволяет проследить их эволюцию. Экспонаты из Калининграда представляют собой оригиналы, обнаруженные в подвалах немецких замков, или реконструированные предметы, предназначенные для пыток: все они применялись

в тюрьмах Восточной Пруссии для сопутствующих наказаний. В целом эта группа источников дает возможность определить общее и особенное в карательных системах Средней Азии, Западной Европы и России.

Третья группа – свидетельства очевидцев из числа путешественников, исследователей и государственных служащих: Г. Д. Янчевецкого (Ян, 1989), Ф. Барнаби (1876), М. Ш. Аитова (цит. по: Игнатович, 1914), Гуляева, Чучалова (цит. по: Добромыслов, 1910). Авторы описывают места заключения Хивы на разных этапах истории ханства. Согласно этим воспоминаниям, непременным атрибутом тюрем являлись цепи и кандалы, однако ни у кого из них не встречается упоминание зиндана-колодца. Об этой тюрьме также нет сведений в архивных документах и других источниках, что свидетельствует о ее особом статусе. Однако зиндан-колодец сохранился как историко-архитектурный объект, а также запечатлен на фотографии с названием «Бой баранов», сделанной в 1883 г. швейцарским исследователем и дипломатом Анри Мозером (Путешествие Анри Мозера...).

Четвертая группа – видеоматериалы из источника художественного содержания: черно-белого фильма «Тахир и Зухра», снятого в 1945 г. на территории среднеазиатских городов, включая Хиву, с использованием интерьеров ханских дворцов до их реставрации, а также реквизита из числа оригинальных музейных экспонатов; это обычно практиковалось для театральных постановок (Бабожонов, 2024, с. 33). В киноленте отразились предметы, связанные с системой наказаний, а также земляная тюрьма с решеткой сверху, находящаяся под ногами хана (Tohir va Zuhra..., 1945). Это помогло провести сравнение с сохранившимся хивинским зинданом-колодцем.

В качестве методологии исследования авторы использовали два подхода: теорию локальных цивилизаций А. Тойнби (1991) и модель имперских посредников (Бёрбанк & Купер, 2010). Первый подход объясняет особенности правовой культуры Хивинского ханства как одного из центров мусульманского Востока и позволяет понять причины формирования там синкретичных вариантов пенитенциарных учреждений, совместивших российские стандарты и среднеазиатские представления о предназначении зинданов.

Согласно модели имперских посредников государства-завоеватели нуждались в потенциале правителей подчиненных территорий. Хивинские ханы и их приближенные, зная специфику Хорезма и владея навыками управления своими землями, реализовывали задачи, поставленные имперским центром. Трансформация хивинских зинданов в соответствии с российскими требованиями происходила через ханов и их приближенных, начавшись в период 46-летнего правления Сайида Мухаммада Рахимхана II (1864–1910 гг.) и достигнув пика при его сыне Асфандияр-хане (1910–1918 гг.), образ которого закрепился в историографии как ставленника России (Маткаримова & Бекмухаммад, 2025, с. 84–95). Ценность таких правителей требовала особого отношения к ним со стороны российского правительства, что проявилось в поддержке и относительной самостоятельности ханской власти, обусловило

невмешательство России во многие сферы управления Хивинским ханством и отразилось на результатах пенитенциарных преобразований.

Авторы применили сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы исследования. Первый позволил проследить эволюцию пенитенциарных учреждений Хивинского ханства и этапы истории зиндана-колодца. Второй метод дал возможность сравнить систему уголовных наказаний в Хорезме, Западной Европе и России, а также выявить особенности правовой культуры Хивинского ханства.

Результаты и обсуждение

Культурно-правовые противоречия между Россией и Хорезмом как предпосылка реформирования хивинских тюрем

В XIX в. несоответствие законодательства Российской империи и Хивинского ханства проявлялось в разных сферах, однако семейные и гражданско-правовые отношения, действовавшие в Хорезме, Россию не интересовали, за исключением случаев, когда в них фигурировали русские рабы. Шариат был не просто разрешен в России — он действовал и признавался государством, для ряда мусульманских общин получив в конце XVIII в. институциональное закрепление в виде «кодексов обычного права» (Бакиева, 2011, с. 5). Уголовно-правовая сфера была почти полностью изъята из этих сборников и регулировалась общегосударственным законодательством с применением действовавшей пенитенциарной системы. Таким образом, Российская империя уже имела опыт совмещения норм мусульманского права с уголовным законодательством. Однако в Хиве она столкнулась с на тот момент непреодолимым конфликтом правовых культур — фактором, повлиявшим не только на реформирование тюрем, но и на решение о военном походе на Хорезм в 1873 г.

Одним из проявлений этого конфликта стало невыполнение хивинскими ханами подписанных договоров 1840 г. и 1842 г. Первый был заключен с Аллакули-ханом о запрете похищать российских подданных с целью продажи в рабство (Кочнев, 2017а, с. 102), а второй представлял собой торговое соглашение, которое должно было защитить русских купцов, приезжавших торговать и иногда тоже подвергавшихся насилию и плену (Кочнев, 2017б, с. 28). В основе этих договоров лежала не просто проблема обращения в рабство российских граждан, а более широкое понимание ситуации: в Хорезме к рабам применялись жестокие виды наказаний в соответствии с местной традицией, поэтому для России выполнение обязательств со стороны Хивы имело еще и гуманитарную основу.

Конфликт правовых культур состоял в том, что Россия рассматривала договор как определенную гарантию соблюдения обязательств, а Хивинское ханство существовало в другой правовой парадигме, обусловленной не только шариатом, но и восточной традицией и целым комплексом факторов, которые

позволяли ориентироваться «по обстоятельствам». Государство находилось в состоянии регулярных войн с вассалами и соседями, и на первый план выходил не международный договор, а военная и дипломатическая хитрость. По отзывам современников событий, среднеазиатские ханы вместе со своими правительствами не вникали в тонкости европейской внешней политики, поэтому не до конца осознавали значимость заключенных с этими странами договоров (Крупенкин, 2016, с. 102).

Характерный пример культурно-правового конфликта приводит А. В. Кочнев со ссылкой на документы Государственного архива Омской области. В 1858 г. на претензию российской стороны о невыполнении договора 1842 г. Хива прямо объявила, что во дворце не помнят содержание этого акта и «даже не нашли его в своих канцеляриях» (2017b, с. 28) — ситуация, практически невозможная для российского и в целом европейского делопроизводства середины XIX в. Договор 1840 г. о запрете похищать российских подданных тоже не соблюдался: после непродолжительного перерыва русские по-прежнему свободно продавались на невольничьих рынках (Таджиева, 2022, с. 113), хотя и в меньшем количестве.

Преодолеть культурно-правовые противоречия не удавалось: игнорирование обязательств проявлялось и в отношении других хивинских договоров. П. П. Иванов со ссылкой на сочинения Агехи приводит пример торжественного заключения в 1858 г. мирного соглашения между Хорезмом и туркменами-йомутами, но оно «никаких практических последствий не имело, так как война вскоре возобновилась с прежней силой» (1939, с. 11–12). В 1867 г. генерал-губернатору Туркестана К. П. фон-Кауфману пришлось напоминать хивинскому хану Сайиду Мухаммаду Рахимхану II о «соблюдении святости договоров» (цит. по: Крупенкин, 2016, с. 102) и т.д. Международные соглашения, судя по информации Агехи, хранились в помещении казны, однако даже это не гарантировало их сохранности: помимо российско-хивинского договора 1842 г., там, например, не оказалось и мирного соглашения с туркменами-йомутами от 1858 г. (Иванов, 1939, с. 11–12).

Невыполнение договоров, крайне невыгодных Хорезму, было связано и с разными представлениями о сроках их действия. Для хивинских правителей срок таких соглашений понимался как неопределенный, в то время как вторая сторона рассчитывала на их постоянное действие. После заключения договоров с Россией в 1840 г. и 1842 г. власть в Хорезме менялась 4 раза: в 1842 г., 1846 г., 1855 г. и 1864 г., и, судя по фактам невыполнения обязательств, именно новые правители не торопились их соблюдать, вследствие чего сложившаяся ранее система «похищение российских граждан / жестокие виды наказаний» продолжала существовать.

Вопрос о сроках действия документов в Хорезме требует отдельного внимания, поскольку даже акты «вечного» характера там нуждались в регулярном подтверждении. Примером являются ханские ярлыки о налоговом иммунитете сайидам — потомкам Пророка Мухаммеда и его сподвижников.

С точки зрения европейского законодательства такой иммунитет дается по рождению и доказывается родословной. Между тем в архиве Государственного музея-заповедника Ичан-Кала хранятся ханские ярлыки «... о подтверждении налогового иммунитета потомкам Пророка Мухаммада..., их братьям и сыновьям на основании указов, выданных прежними падишахами...» (КП 1362); «о предоставлении... и другим потомкам (110 человек) налогового иммунитета (тархан ва марфу 'ал-Калам), на основании того, что они являются сайидами, т.е. прямыми потомками Пророка...» (КП 1368) и т.д. В этом фонде также есть документ об освобождении личной рабыни хана, датированный 28 июня 1873 г. (Каримов, 2007, с. 72), хотя за 16 дней до этого хан уже дал свободу всем рабам Хорезма, подписав соответствующий документ, что было широко обнародовано и с точки зрения российского законодательства не требовало дополнительного подтверждения каждому в отдельности.

В этом отношении показательны и действия сибирских бухарцев на начальном этапе их эмиграции в Россию: получив от царей грамоты о привилегиях и беспошлинной торговле (т.е. невыгодные для российской казны в понимании бухарцев), они при вступлении на престол новых царей вновь обращались с просьбой о предоставлении льгот. Основание прошений всегда было одинаковым: жалоба на местные власти, которые не соблюдают их права. Однако речь шла не о наказании обидчиков, а именно о продлении привилегий, хотя по российскому законодательству необходимости в этом не было. Примером является ситуация, когда льготы от 1642 г. (Почекаев, 2017, с. 56) тобольские бухарцы просили подтвердить всего через 3 года — после вступления на престол в 1645 г. царя Алексея Михайловича (Пузырев, 2021, с. 252).

Еще одно проявление культурно-правового конфликта между Россией и Хивой было связано с информационной войной: европейцами создавался негативный образ Российской империи как «тюрьмы народов» (Васильев, 2013), с акцентом на действие ее пенитенциарной системы. В то же время образ Великобритании формировался противоположным: это «страна-мать», которая покровительствует своим «детям» — колониям (Антонова & Михеев, 2025, с. 198). Такая идеология широко транслировалась по всему миру без упоминаний о репрессивной политике колонизаторов. Например, в 1840 г. Хорезм посетил англичанин Джеймс Эббот, который в разговоре с Аллакулиханом пытался представить русских как врагов, стремящихся поработить среднеазиатские народы, а англичан — как искренних друзей (Abbot, 1884, с. 87, 93).

В такой системе представлений российский протекторат казался несоизмеримо худшей исторической судьбой, чем английский колониализм, и в 1872 г. Сайид Мухаммад Рахимхан II даже попытался добровольно перейти под покровительство Великобритании, чтобы получить военную защиту от России (Маткаримова & Бекмухаммад, 2025, с. 10). Результат информационной войны отражен в многочисленных свидетельствах. Например, об англичанине Джеймсе Эбботе в Хиве ходили слухи, что русские его убили, а инфор-

мация о том, что он благополучно вернулся на родину, вызвала удивление (Барнаби, 1876, с. 148). Американец Мак-Гахан Януарий-Алоизий, ставший очевидцем падения Хивы в 1873 г., описал реакцию женщин из ханского гарема. Хотя это была крайне закрытая структура, антирусские настроения сформировались даже там (MacGahan, 1874):

«Ко мне она повертывалась несколько раз с каким-то полумолящим взором, точно подозревая, что я не русский, и собираясь меня о чем-то просить»; «В начале они готовились к тому, что русские по меньшей мере порубят им головы...»; «“Урус ма якши?” спрашиваю я, то-есть русские добры? — “Иок, иок”, посыпалось со всех сторон, и все они неприязненно замотали руками... Чтобы выгородить себя из этой национальной неприязни “мин урус иок”, — “я не русский”, сказал я, на что они поспешно закивали головами, точно говоря “знаем, знаем”. Это очень поразило меня, тем более что в эту минуту я решительно не знал, чем себе это объяснить. Впоследствии я, впрочем, имел возможность убедиться, что весть о моем нерусском происхождении быстро разнеслась между хивинцами и, как мне потом объясняли, они подозревали во мне агента, высланного английским правительством... Этим фактом объяснялся и весь прием, который мне сделан был этой ночью... Хан бежал, их же не допустили бежать их собственные слуги, и бедняжки теперь полагались на помощь иностранца. Я объяснил им как умел, что русских бояться нечего».

В этих условиях изменения в карательной системе Хивинского ханства в соответствии с российским законодательством представлялись сложной задачей, тем более что в период завоевания Хорезма в России уже шел процесс обоснования тюремной реформы, соответствующей европейским стандартам. Она была разработана с учетом выводов и положений международных пенитенциарных конгрессов и направлена на гуманизацию уголовных наказаний и условий содержания заключенных. В 1879 г. в России началась реализация этого масштабного проекта, и реформа постепенно распространилась на Хорезм.

Хивинский зиндан — «колодец» как звено в системе пенитенциарных учреждений

В российской, европейской и восточной традиции места заключения имели многочисленные виды и названия. В XIX в. на Востоке под зинданами понимались преимущественно тюрьмы-ямы, среди которых встречались колодцы с входом (решеткой) сверху: узкие, глубокие, часто выложенные камнем по внутренним стенам (рис. 1).

Рисунок 1. Тюрьмы-«колодцы»:

- 1) Ублиет в Англии (The Oubliette..., 2023); 2) Зиндан в Бухаре (Архитектурный памятник «Зиндан»...), фото авторов (2025); 3-4) зиндан-колодец в Дербенте. Дагестан, Архитектурно-археологический комплекс «Цитадель Нарын-Кала» (Подземная тюрьма..., 2021); 5-6) зиндан - колодец в Хиве («Зиндан»...), фото авторов (2025).

Figure 1. Prisons-pit:

- 1). The Oubliette in England (The Oubliette..., 2023); 2) Zindan in Bukhara (Architectural monument “Zindan”...), photo by the authors (2025); 3-4) Zindan-pit in Derbent. Dagestan, Architectural and archaeological complex “Citadel of Naryn-Kala” (Underground prison..., 2021); 5-6) Zindan-pit in Khiva (“Zindan”...), photo by the authors (2025).

В Европе такие колодцы впервые появились в Древнем Риме, представляя собой подземную камеру с круглым отверстием наверху диаметром 70 см (Нарышкина, 2012, с. 194). Этот вид тюрем сохранился в государствах, возникших на осколках Римской империи: в Италии они так и назывались – “pozzi” (колодец), в Германии – “tulliana” (Нарышкина, 2012, с. 194–196). В Европе

за ними закрепилось общее название «ублиет»; пример такого сооружения находился в Бастилии (Ахриев, 2003, с. 152), а также в ряде замков Великобритании и других стран западной цивилизации (The Oubliette..., Sparrow, 2011).

Сходство тюрем-колодцев в разных частях мира ставит вопрос о межкультурных заимствованиях. Западные ученые считают, что шариат интегрировал нормы римского права, но это отрицается мусульманскими богословами (Бизюков, 2011). В любом случае у арабов и европейцев было общее историческое прошлое, связанное не только с войнами, но и с культурными контактами и опытом управления одними и теми же народами (например, в Малой Азии), где адат в качестве правовых норм сохранялся независимо от римского, византийского или арабского влияния. В правовой практике Византии и России такие тюрьмы не закрепились, хотя в Древней Руси существовали деревянные срубы для преступников, сделанные по образцу колодца для воды.

На территории Средней Азии обнаружено два основных вида подземных зинданов с входом сверху (рис. 1): 1) узкий, в виде колодца, для одного заключенного, примером которого является хивинский образец, аналогом – европейские ублиеты; 2) широкий и глубокий, предназначенный для помещения нескольких арестантов; примерами являются зинданы Бухары и Самарканда. Первый сохранился как музейный объект, а второй был засыпан российскими военными во второй половине XIX в. после освобождения из него русских пленных. Облик этой тюрьмы запечатлен на картине В. В. Верещагина «Самаркандский зиндан» (1873 г.).

В такие тюрьмы осужденных сбрасывали или опускали с помощью какого-либо приспособления. Некоторые колодцы сочетались с другими видами наказаний инквизиционного характера. Например, на дне подземелья замка Leap Castle в Ирландии было установлено несколько заостренных деревянных шипов, и упавшие туда заключенные нанизывались на них, получали смертельные ранения и умирали в таком положении. При очистке этого ублиета в 1920-х гг. для вывоза обнаруженных скелетов потребовалось три телеги (Sparrow, 2011). На дне бухарского зиндана глубиной 6,5 м заключенный мог умереть от укусов скорпионов (Мухитдинов, 2020, с. 131). На дне дербентского зиндана глубиной более 10 м находились тела умерших; вход сверху закрывался камнем с небольшим отверстием, из-за чего помещение не проветривалось (Подземная тюрьма..., 2021). Хивинский зиндан-колодец был не таким глубоким и находился на солнечной стороне, что при отсутствии воды означало медленную смерть от жары и обезвоживания.

Наказания, сопутствующие заключению в этот и другие хивинские зинданы, частично совпадали с практикой Западной Европы и России: это цепи, кандалы и колодки, надеваемые на арестантов во избежание побега. Между тем анализ предметов из подземелий немецких замков, расположенных на территории бывшего Кенигсберга, показал, что для Хивинского ханства не было характерно большинство экзекуций, сопутствующих тюрем-

ному заключению и применявшихся в Западной Европе. В Музее средневековых пыток и наказаний замка Нессельбек Калининградской области находятся десятки приспособлений, среди которых выделяется группа из 27 устройств, рассчитанных на создание максимальных физических страданий (Науменко, 2020, с. 2318–2319). К ним можно добавить и наказание в виде посажения на кол, которое применялось как на Западе, так и на Востоке. В результате анализа выяснилось, что среди 28 особо жестоких видов германских пыточных устройств совпадение с хивинскими обнаружено только в двух случаях: сажание на кол (как вид смертной казни) и повреждение (обрезание) пяток. Однако если в Европе вбивание в пятку металла считалось уголовным наказанием (Музей средневековых пыток..., № 13), то в Хорезме – превентивной мерой против побега непокорных рабов (Таджиева, 2022, с. 86). Пятки либо обрезали, посыпая измельченным хвощом, либо разрезали, вставляя в них конский волос, в результате чего возможность передвижения раба ограничивалась. В Хиве сажание на кол, как правило, тоже применялось лишь к рабам, но перед этим они помещались в зинданы.

Для подследственных, находящихся в хивинских тюрьмах, сложились другие, чем в Западной Европе, способы получения признательных показаний: например, засыпание в рот соли (Барнаби, 1876, с. 156), а не вытягивание внутренностей специальными устройствами и другие подобные практики (рис. 2). В Хиве после вынесения узникам обвинительного приговора применялись иные, чем в Западной Европе, виды смертной казни: сбрасывание с минарета, забивание камнями, помещение в мешок с голодными дикими кошками и т.д. (Экспозиция «Правосудие...»), а не лишение жизни с использованием специальных приспособлений для длительных пыток.

Основная часть аналогов пыточных устройств из средневековых немецких замков (рис. 2) в Хиве не зафиксирована ни в воспоминаниях очевидцев, ни в архивных материалах, ни в ходе археологических исследований. Это не исключало произвола отдельных ханов, однако их некоторые решения, выходявшие за рамки традиции, не являлись системой, в отличие от инквизиционных практик Западной Европы, которые культивировались, развивались и получали идеологико-религиозное обоснование. Отсутствие в традициях Хивы аналогов средневековых западноевропейских экзекуций сближало ее с важнейшим звеном пенитенциарной системы России – тюрьмами Западной Сибири, где совпадений с группой особо жестоких германских пыточных устройств не зафиксировано вообще (Науменко, 2020, с. 2318–2319).

Рисунок 2. Некоторые инквизиционные приспособления средневековой Восточной Пруссии для повреждения (сдавливания) тела и вытягивания внутренностей. Внизу слева - «Печать конокрада» для вбивания металла в пятки (Музей средневековых пыток...). Фото авторов (2020)

Figure 2. Some inquisitorial devices of medieval East Prussia for damaging (squeezing) the body and stretching the entrails. At the bottom left is the “Horse thief’s Seal” for driving metal into heels (Museum of Medieval Torture ...). Photo by the authors (2020)

Хивинский зиндан-колодец имеет европейские и среднеазиатские аналоги лишь по общим признакам, однако он обладает рядом характеристик, которые позволяют говорить об уникальности этого культурно-исторического объекта. Характерная черта обычных тюрем-колодцев – их размеры и архитектурное решение. Узкое подземное помещение не позволяло арестанту ложиться, а большая глубина (от нескольких метров до 10 м и даже глубже) ограничивала поступление света. Часто зинданы расширялись внизу, что делало невозможным побег из-за стен с отрицательным уклоном: примером является дербентский образец с площадью входа 1 кв. м и площадью пола 20 кв. м (Подземная тюрьма..., 2021).

Археологические раскопки Хивы в 1987 г. показали, что исследуемый колодец находится в культурном слое XIV в. (рис. 3), причем рядом были обнаружены кувшины; это позволяет предположить, что первоначально он использовался для набора воды. Тем самым хивинский зиндан отличается от известных аналогов: его размер составляет 1,30 м в длину и 0,92 м в ширину, а глубина составляет всего около 2 м (замеры авторов в 2025 г. показали 1,82 м).

Однако на фотографии, сделанной во время археологических раскопок 1987 г. (рис. 3), видно, что объект имел обрамление (стенку) высотой примерно 1 м, что характерно для обычного колодца с водой. Следовательно, при его перестройке в зиндан глубина, воспринимавшаяся арестантом изнутри, составляла не 1,82 м, а около 3 м. Колодец также имел нестандартную форму: не круглую или квадратную, как обычно, а овальную, что является крайней редкостью.

Рисунок 3. Археологические раскопки зиндана в 1987, г. Хива, Ичан-Кала (Архив Государственного музея..., Кп. 6185/1). Слева: колодец в культурном слое XIV в. с полукруглым обрамлением. Справа: стенка XIX в. от зиндана, построенная выше уровня земли. Обрамление колодца и стенка не сохранились

Figure 3. Archaeological excavations of zindan in 1987, Khiva, Ichan-Kala (Archive of the State Museum..., KP 6185/1). On the left: a well in the cultural layer of the 14th century with a semicircular frame. On the right: the 19th-century wall from zindan, built above ground level. The frame of the well and the wall have not been preserved.

В XIX в. при перестройке колодца в зиндан, предназначенный для политических преступников, сформировалось двухуровневое помещение, что характерно также для дербентского, бухарского и самаркандского образцов. Замеры верхнего уровня хивинского зиндана показали: он представляет собой почти квадратную камеру размером 3,56 м на 3,25 м (11,57 кв. м). Часть помещения занимает лестница из шести ступеней шириной 0,73 м (рис. 1). Высота ступеней различна: верхняя — 14 см, нижняя — 25 см, далее вверх — 29 см, а три остальные — по 30 см; в целом лестница занимает около 1,5 кв. м. За вычетом ее площади получается, что для содержания всех заключенных на верхнем уровне зиндана отведено чуть больше 10 кв. м. В эту площадь входит колодец, расположенный по центру помещения, поэтому распреде-

ление узников было возможно только вдоль стен. Во время археологических раскопок именно там были обнаружены металлические крепления для приковывания осужденных к стене. Периметр верхнего уровня зиндана (за вычетом места, занимаемого лестницей) составляет около 12 м, что позволяло разместить вдоль стены до 20 заключенных — по 60 см на каждого. Эти расчеты позволяют оценить вместимость зиндана, хотя политических преступников, замешанных в попытках свержения хана, чаще всего казнили сразу.

Создание верхнего уровня хивинского зиндана происходило в два этапа. Вначале для строительства стен была использована толщина культурного слоя (около 1,5 м), а затем стены были наращены примерно на 1 м выше уровня земли (рис. 3, рис. 4). В результате общая высота сооружения составила около 2,5 м — этого было достаточно для размещения арестантов. Стены, возведенные над землей, позволили сделать подиум, на котором периодически восседал хан, наблюдая за боями баранов, верблюдов и других животных (объект расположен на конюшенном дворе). Под ногами правителя находилось отверстие зиндана, закрытое решеткой; аналогичная конструкция зафиксирована под тронем хана в источнике художественного содержания, снятом в 1945 г. в реальном интерьере среднеазиатского дворца (рис. 4). Поверженный противник под ногами хана был символом победы.

В условиях российского протектората хивинский зиндан-колодец постепенно утратил свое предназначение: во-первых, борьба за трон уже не имела прежней остроты, т.к. Сайид Мухаммад Рахимхан II всецело поддерживался российской властью; во-вторых, отказ от подземных камер соответствовал Тюремной реформе 1879 г. Начало реформы ознаменовалось возвращением в Хиву ранее высланных в Калугу участников антироссийского сопротивления из числа привилегированной элиты: они были амнистированы в 1879 г. (Маткаримова & Бекмухаммад, 2025, с. 54).

Влияние российской пенитенциарной политики на трансформацию хивинских зинданов особенно заметно при их сравнении с сибирскими тюрьмами. Одно из сопутствующих наказаний в зиндане — приковывание к стене; оно применялось и в России: по данным на 1857 г., в Тобольской губернии число таких узников доходило до 2 % от общего числа заключенных (ГБУТО ГА в г. Тобольске, 1857, лл. 76, 82). В Сибири в середине XIX в. срок нахождения на цепи составлял 5 или 10 лет; из одежды разрешалось только нижнее белье, из еды — хлеб и вода, прогулки исключались. После окончания назначенного судом срока осужденные переводились на более легкий тюремный режим с «вечным» ношением ножных кандалов (ГБУТО ГА в г. Тобольске, 1857, л. 82). В России к моменту завоевания Хивинского ханства приковывание к стенам уже было отменено, хотя в Западной Сибири зафиксированы единичные случаи его применения: например, за бунт заключенных на Карачинском полуострове под Тобольском в начале XX в. (Бортникова, 1999, с. 77). Отказ от этого

наказания происходил постепенно, по мере облегчения участи заключенных. Вначале Сенат рекомендовал:

«Железные кольца, на которой крепится цепь, вделывать в стене близ самого пола, дабы цепи, идущие от них, не тяготили собою преступников. К сим кольцам прикреплять цепь длиной в три аршина, звенья цепи должны быть такой же толщины, как в ножных кандалах, а обруч, налагаемый на преступника, обшит кожей» (ГБУТО ГА в г. Тобольске, 1843, л. 75).

Рисунок 4. Зинданы у ног хана.

Верхний ряд: Сайид Мухаммад Рахимхан II на подиуме, расположенном над зинданом, готовится смотреть бой баранов, Хива, 1883 г. (Путешествие Анри Мозера..., 1883). Нижний ряд: решетка от зиндана под ногами хана (Tohir va Zuhra..., 1945, 8-я и 18-я минуты фильма).

Figure. 4. The Zindans at the Khan's feet.

Top row: Sayyid Muhammad Rahimkhan II on the podium above Zindan, preparing to watch a sheep fight, Khiva, 1883 (Journey of Henri Moser..., 1883).
Bottom row: Zindan grating under Khan's feet (Tohir va Zuhra..., 1945, 8th and 18th minutes of the film).

В конце XIX в. хивинский зиндан-колодец уже не функционировал, а в 1920-е – 1930-е гг. был засыпан, когда ханские дворцы и другие архитектурные объекты частично сносились и даже сжигались. Однако на рубеже XIX – XX вв. в Хиве действовали еще два места заключения: тюрьма для задержанных правонарушителей, ожидавших суда, и городская тюрьма для осужденных. Первая представляла собой кирпичное прямоугольное здание, состоявшее из двух комнат: одна – для арестованных, вторая –

для охранников дворца Куня-Арк. В соответствии со среднеазиатской архитектурной традицией над этим зданием возвышались два купола, через которые проникал солнечный свет. В настоящее время там расположена экспозиция «Правосудие ханского периода».

Вторая тюрьма находилась в башне, которая в советский период была разрушена, однако ее описание сохранилось в воспоминаниях Г. Д. Янчевецкого от 1903 г. (Ян, 1989, с. 526):

«...я попросил Шах-Назара провести меня к ханской тюрьме. Мы подошли к невысокой пузатой башне. На коврике у низенькой железной двери сидел на корточках тюремщик со связкой больших ключей... Тюремщик поспешно отворил дверь, завизжавшую, повернувшуюся на ржавых петлях, и мы прошли в небольшое помещение, полутемное и высокое, куда свет проникал сверху, сквозь узкое окно. У стен, на каменном сиденье, выгнутом подковой, сидели угрюмые, молчаливые заключенные, скованные одной цепью. Конец ее был прикреплен к стене. В центре подковы-сиденья, в каменном полу, находилось отверстие - клоака - для отправления естественных нужд узников. У стены печь, сложенная наподобие камина, уходила вверх, ее труба вырисовывалась снаружи над башней. Заключенные смотрели равнодушно, мертвым взглядом. Лишь один хивинец, подвижный и нервный, увидав нас, быстро заговорил, а потом стал кричать, и Шах-Назар перевел мне, что тот "прикован уже тринадцать лет, невинен, не знает, за что он в тюрьме, и только великий русский бояр может его освободить"».

Это описание отражает сочетание российских и среднеазиатских представлений о содержании заключенных. Во-первых, в 1903 г. в каторжных тюрьмах России арестанты тоже находились в ручных и ножных кандалах, но лишь в течение определенного срока, установленного судом. Вес кандалов оставался стабильным с 1822 г., когда он по указу Александра I был уменьшен до 5–5,5 фунтов (ГБУТО ГА в г. Тобольске, 1822, л. 40). Во-вторых, рядом с охранником хивинской тюрьмы стоял сосуд для сбора пожертвований – так называемый кружечный сбор, который практиковался в России с начала XIX в. (ГБУТО ГА в г. Тобольске, 1806, л. 2). В-третьих, в тюремном помещении действовало отопление в виде камина, как и в российских тюрьмах; в традиционной культуре Хорезма камины и печи не использовались и появились в результате европейского и российского влияния. В-четвертых, в камере была канализация, в отличие от зиндана-колодца. В-пятых, один из заключенных находился в тюрьме уже 13 лет; это означало, что арестантов кормили, а объем питания позволял им существовать достаточно долго. Эти нововведения вписывались в понятие гуманизации условий содержания и формально соответствовали российским требованиям (кандалы не считались препятствием для исправления преступников). Все остальное в описании хивинской тюрьмы отражало местные представления, включая неопределенный срок заключения и архитектурные особенности камеры: поступление дневного света через маленькое окно вверху и расположение канализации в стене, т.к. в городе

нечистоты регулярно убирались ассенизаторами через специальные ниши, расположенные со стороны улицы.

Между тем комплекс нововведений в хивинской тюрьме был значительно уже, чем это предполагалось российским законодательством. Тюремная реформа 1879 г. требовала соблюдения следующих правил: прогулок заключенных на свежем воздухе, бесплатного лечения, посещения бани, трудового воспитания, наличия библиотек и тюремных школ, а иногда — и развлечений в виде, например, просмотра слайдов с помощью «волшебного фонаря», а также обязательных молитв (Бортникова, 1999, с. 264–284). Нам неизвестно, каким образом арестанты этой хивинской тюрьмы совершали намаз и как часто их посещали представители мусульманского духовенства — а это входило в требования реформы. Хотя в хивинской тюрьме соблюдались некоторые обязательные условия содержания арестантов, следует обратить внимание на то, что при ее посещении Г. Д. Янчевецким прозвучали слова заключенного, что только «русский бояр может его освободить» (Ян, 1989, с. 526); это позволяет предположить, что из России в Хиву поступала установка соблюдать законность.

При Асфандияр-хане (1910–1918 гг.) реформа продолжилась, и появились два новых здания: дом предварительного заключения и городская тюрьма, которые в целом соответствовали российским (и европейским) требованиям (рис. 5). В новой тюрьме были созданы условия для прогулок (появился огороженный дворик), а архитектурное решение здания позволяло выделить помещения для духовно-нравственного воспитания и образования арестантов с целью их исправления. Таким образом, основные формальные требования были соблюдены, однако процесс дальнейшего реформирования был прерван убийством Асфандияр-хана в 1918 г. и революционными событиями, которые сопровождалась Первой мировой войной.

Таким образом, в течение 30–35 лет после начала Тюремной реформы 1879 г. пенитенциарные учреждения Хивы претерпели существенную трансформацию. В результате сформировался синкретичный российско-хорезмский вариант, основанный на законодательстве Российской империи и местной традиции, но с отменой жестоких наказаний как сложившейся системы, хотя это не исключало случайный произвол правителя. Такой же путь реформирования прошел Дербент, где уже в конце XIX в. практиковалось тюремное заключение по российскому образцу (Исмаилов & Сулейманов, 2016); процесс отказа от жестоких уголовных наказаний шел в Бухаре (Почекоев, 2022); тюремное заключение в конце XIX в. было введено в Андижане (Науменко & Абдуллаев, 2024, с. 450) и т.д.

Альтернативой трансформации мест заключения был британский протекторат, под который в 1872 г. Сайид Мухаммед Рахимхан II попытался передать Хорезм. Политика Великобритании и в целом европейских стран предполагала иное отношение к уголовно-правовой сфере колоний: средневековые виды наказаний там продолжали действовать в течение долгого времени. Вместе

с тем англичане сами использовали карательные практики местного происхождения. Одно из наиболее известных наказаний сохранялось даже во второй половине XIX в. под названием «дьявольский ветер»: осужденных привязывали к дулам пушек и стреляли залпом, в результате чего тела разрывались на части (Крашенинникова & Трикоз, 2018, с. 34). Англо-саксонская правовая система ориентировалась не столько на закон, сколько на прецедент, который позволял при управлении завоеванными территориями в каждой из них создавать собственные правила.

Рисунок 5. Пенитенциарные учреждения Хивы.
 Верхний ряд: две тюрьмы, построенные при Асфандияр-хане (1910–1918 гг.).
 Слева: здание для предварительного заключения и службы охраны дворца.
 Справа: городская тюрьма для содержания преступников. Фото авторов, 2025 г.
 Нижний ряд: экспозиция «Правосудие ханского периода»,
 созданная в 1970 г. в бывшем зиндане комплекса Куня-Арк
 (фотография из личного архива Д. К. Бабажонова, г. Хива).

Figure 5. Penitentiary institutions of Khiva.
 Top row: prisons built under Asfandiyar Khan (1910–1918).
 On the left: the building for pre-trial detention and the palace security service.
 On the right: the city prison for criminals. Photo by the authors, 2025.
 Bottom row: The 1970 Khanate Period Justice exhibition
 in the former Zindan of the Kunya-Ark complex
 (photo from the personal archive of D. K. Babazhonov, Khiva).

Так, в Индии уже в первой половине XIX в. уголовные практики шариата были почти полностью вытеснены, но не британскими законами, а распоряжениями губернаторов и постановлениями руководства Ост-Индской компании. Уголовный кодекс 1860 г., созданный британцами для Индии (и в перспективе — для всех колоний), соответствовал общеевропейской тенденции гуманизации наказаний, но приоритет опять же отдавался местному праву (Крашенинникова & Трикоз, 2017, с. 192, 199). Однако в рамках этого кодекса в Индии вводилось тюремное заключение как один из основных видов наказания, что совпадало с реализацией в Хорезме Тюремной реформы 1879 г. Следовательно, и российский, и английский варианты протектората предполагали постепенные изменения в пенитенциарной системе подчиненных территорий и создание тюрем по европейскому образцу. Однако в условиях британского колониализма этот процесс протекал сложнее, менее последовательно и занимал значительно больше времени.

Заключение и выводы

В Хивинском ханстве XIX в. противоречия с Россией в сфере уголовных наказаний были не столь глубоки, как противоречия со странами Западной Европы, несмотря на ряд совпадающих средневековых карательных практик. В России инквизиционные виды наказаний не получили развития в той степени, в какой они развились в западноевропейской цивилизации, т.к. православное мировоззрение стало серьезным фактором, препятствовавшим этому явлению. С другой стороны, Хивинское ханство также не знало всего комплекса пыточных устройств, разработанных в Европе. Хорезм, будучи частью восточной цивилизации, отличался культурным своеобразием и древними религиозными традициями, которые препятствовали распространению жестоких видов наказаний. Они исходили из адата — местного обычая, но, в отличие от Западной Европы, имели консервативный характер, воспроизводясь в одних и тех же формах из поколения в поколение, тогда как в европейском Средневековье целенаправленно создавались все новые виды пыток, усиливая инквизиционную составляющую репрессии.

В системе уголовных представлений Хивинского ханства огромную роль играли религия и традиция, центром которых был дворец, и правитель сам мог определять вид и объем наказаний. В местном мировоззрении хан (особенно сайид) рассматривался как хранитель справедливости, и любое отклонение от этой роли грозило ослаблением связи между ним и подданными: случаи свержения правителей с престола нередко отражали именно это явление. Поэтому в условиях восточного мировоззрения при реформировании пенитенциарной сферы по российскому образцу нельзя было нарушить пределы традиционных представлений о справедливости возмездия. Эффективность Тюремной реформы 1879 г. в Хорезме во многом определялась готовностью местного социума к изменениям, которая к тому времени уже складывалась.

Когда с установлением российского протектората основным видом уголовного наказания стало тюремное заключение, общество это приняло: в Хиве не зафиксировано случаев сопротивления пенитенциарным преобразованиям.

При Асфандияр-хане трансформация тюрем Хивинского ханства была завершена, а следующая стадия заключалась в дальнейшем изменении правовых и мировоззренческих представлений в направлении дальнейшей гуманизации наказания, что произошло в советский период. Позиция России в процессе реформирования во многом определялась главной особенностью империи: она имела общие границы с присоединенными землями, что позволяло включать их в состав государства, предоставляя населению российское подданство. Такая практика не вписывалась в классические представления о колониализме, т.к. означала отношение к присоединенным народам как к «своим» — с перспективой вхождения в состав империи. Между тем для формирования устойчивых правовых и межкультурных связей Хивинского ханства с Россией требовалось время, но в любом случае изменения шли более динамично и целенаправленно, чем в колониях Западной Европы.

Великобритания и в целом страны Запада действовали по иному принципу: доминионы, как правило, не имели общих границ с колониями, а населявшие их народы воспринимались как «чужие», без предоставления подданства имперского центра. В колониях при реформировании системы наказаний местные общества рассматривались как отсталые, которые должны были пройти сложный путь до уровня европейской гуманизации, поэтому тюремные преобразования там носили в большей степени перспективный, а не текущий характер. Россия же в Хивинском ханстве проводила реформу целенаправленно, в соответствии с общегосударственным курсом. Это обусловило быструю трансформацию правовой системы Хорезма и всего Узбекистана в сторону континентального права, что в настоящее время обеспечивает межгосударственные контакты на всех уровнях взаимодействия.

Авторский вклад

Науменко Ольга Николаевна: сравнительный анализ всех источников, общая концепция статьи и ее написание, работа с фондами Музея средневековых пыток и наказаний замка Нессельбек г. Калининграда и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (Россия).

Бабаджанов Дилмурод Камилович: выявление и анализ комплекса источников по зинданам, находящимся в Государственном музее-заповеднике «Ичан-Кала» в Хиве (Республика Узбекистан), руководство работой научного коллектива по исследованию архитектурных объектов и музейных фондов Хивы по теме статьи.

Джуманиязов Бекзод Очилович: работа с литературой на узбекском языке, анализ историографии, перевод источников со староузбекского языка в арабской графике.

Атаджанов Акмал Икрамович: анализ казийских документов из архива Государственного музея-заповедника «Ичан-Кала», источников – видеоматериалов художественного содержания, обследование архитектурного объекта – хивинского зиндана-«колодца».

Список литературы

- Abbot, J. (1884). *Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow and St. Petersburg During the Late Russian Invasion of Khiva* (Vol. 1). W. H. Allen.
- David, R., & Brierley, J. E. C. (1978). *Major Legal Systems in the World Today: An Introduction to the Comparative Study of Law*. Simon and Schuster.
- Joireman, S. F. (2001). Inherited legal systems and effective rule of law: Africa and the colonial legacy. *The Journal of Modern African Studies*, 39(4), 571–596.
<https://doi.org/10.1017/S0022278X01003755>
- MacGahan, J. A. (1874). *Campaigning of the Oxus and the Fall of Khiva*. Sampson Low, Marston, Low, and Searle.
- Sartori, P., & Abdurasulov, U. (2020). *Seeking Justice at the Court of the Khans of Khiva: (19th – early 20th Centuries)*. Brill.
- Sparrow, K. L. (2011, September 19). *The Oubliette: A Torture of Unspeakable Horror*. Owlcation.
<https://owlcation.com/humanities/oubliette-french-torture-halloween>
- The Oubliette Of The Tower Of London—History’s Most BRUTAL Torture Method.* (2023). [Video recording]. <https://www.youtube.com/watch?v=d-dEaSaYYHc>
- Tohir va Zuhra. (1945). [Video recording]. Uzbek kino. <https://www.youtube.com/watch?v=KceA1cdHiHA>
- Абдурасулов, У. В. (2015). Хиву в поисках справедливости: Церемония арзод в Хивинском ханстве. *История Узбекистана*, 2, 27–39.
- Амиршоев, К. Ш., & Абдулов, А. М. (2014). Таджикский зиндан глазами русских авторов. *Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан*, 2, 116–123.
- Антонова, Л. В., & Михеев, Д. В. (2025). Британская колониальная геральдика как отражение имперского строительства в конце XVIII – начале XX века. *Журнал Фронтирных Исследований*, 10(2), 187–218. <https://doi.org/10.46539/jfs.v10i2.641>
- Ахриев, А. М. (2024). Рецензия на книгу Чахкиева Д.Ю. «Древности горной Ингушетии». – Назрань, 2003. – 143 с. *Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева*, 1, 151–157.
- Бабожонов, Д. К. (2024). «Ичан-Калъа» Давлат музей-қўриқхонаси тарихи (1920–2020). Монография – фотоальбом. Milleniumus Print.
- Бакиева, Г. Т. (2011). *Обычай и закон: Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII–начале XX века*. Гео.
- Барнаби, Ф. Г. (1876). *Поездка в Хиву*. Городец.
- Бёрбанк, Дж., & Купер, Ф. (2010). *Империи в мировой истории: Власть и политика различий*. Издательство Принстонского университета.

- Бизюков, С. Н. (2011). К вопросу об иностранных заимствованиях в период формирования исламского права. *Вестник Санкт-петербургского университета. Востоковедение и африканистика*, 1, 40–58.
- Бортникова, О. Н. (1999). *Возникновение и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири, 1801-1917 гг.* (с. 353) [Диссертация доктора исторических наук].
- Васильев, А. Д. (2013). Заграничные истины: Свободный мир vs тюрьма народов. *Политическая лингвистика*, 3, 12–21.
- Гернет, М. Н. (1951-1956). *История царской тюрьмы. В пяти томах.* Государственное издательство юридической литературы.
- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). (1806). Ф. И329. Оп. 13. Д. 164.
- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). (1822). Ф. И329. Оп. 13. Д. 780.
- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). (1843). Ф. И8. Оп. 1. Д. 253.
- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). (1857). Ф. И20. Оп. 1. Д. 9.
- Добросмыслов, А. (1910). К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву, о событиях, происходивших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана. В *Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год XIV* (с. 69–81).
- Иванов, П. П. (1939). Архив хивинских ханов. Новые источники для истории Средней Азии XIX в. В *Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Выпуск VIII* (с. 5–26). Издательство Академии Наук СССР.
- Игнатович, А. В. (1914). Хивинский плен. Записка М. Ш. Аитова. В *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск XXX* (с. 101–102). Электро-типография Тургайского областного правления.
- Исмаилов, М. А., & Сулейманов, З. М. (2016). Судебная система Дагестанской области в составе судебной системы Российской империи: Особенности адаптации и интеграции. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*, 19(3), 29–36. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2016-19-3-29-36>
- Каримов, Э. (2007). *Регесты казийских документов и ханских йарлыков Хивинского ханства XVII – начала XX вв.* Фан.
- Кочнев, А. В. (2017a). Российские подданные в хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: Пути решения проблемы и последствия. *Вестник Томского государственного университета*, 423, 100–104.
- Кочнев, А. В. (2017b). Хивинский фактор во внешней политике Российской империи XVIII – первой половины XIX вв. *Ученые записки Худжандского государственного университета им. Академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук*, 2, 26–31.
- Крашенинникова, Н. А., & Трикоз, Е. Н. (2017). Уголовный кодекс Индии 1860 года: История создания и характерные черты. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 4, 183–206.

- Крашенинникова, Н. А., & Трикоз, Е. Н. (2018). Цели и система наказаний в Уголовном кодексе Индии 1860 г. *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*, 1, 23–43.
- Крупенкин, Е. Н. (2016). Политические отношения Российской империи и Хивинского ханства в 1867–1870 гг. *Вестник Томского государственного университета*, 404, 101–104. <https://doi.org/10.17223/15617793/404/15>
- Маткаримова, С., & Бекмухаммад, У. (2025). *Хива хонлиги Россия империяси мустамлакачилиги даврида. 1873–1917 йиллар* [The Khiva Khanate during the colonial rule of the Russian Empire, 1873–1917]. Бухоро. (На узбекском).
- Мухитдинов, А. А. (2018). Историко-правовые аспекты судебной системы Кокандского ханства. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*, 1, 103–110.
- Мухитдинов, А. А. (2020). Судопроизводство в Бухарском эмирате. *Государство и право*, 10, 129–135. <https://doi.org/10.31857/S102694520012310-2>
- Надинова, С. А. (2023). Зиндан в системе аппарата принуждения государств Востока. *Угрозы и риски на Юге России в условиях геополитического кризиса*, 215.
- Нарышкина, Н. И. (2012). Проблема трактовки термина «тюрьма» в странах Европы (исторический аспект). *Вестник Владимирского юридического института*, 3, 194–197.
- Науменко, О. Н. (2020). Коренные народы Севера и инквизиционный характер тюрем Ямала и Югры в XVII – начале XX вв. *Былые годы*, 58(4), 2315–2323. <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2315>
- Науменко, О. Н., & Абдуллаев, У. И. (2024). Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII – начале XX веков. *Научный диалог*, 13(5), 437–455. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455>
- Подземная тюрьма (зиндан) в цитадели Нарын-кала. (2021). Историческийбагаж.рф. <https://historical-baggage.ru/post/podzemnaya-tyurma-%28zindan%29-v-citadeli-naryn-kala-710?ysclid=m9nut78m10546034718>
- Почекаев, Р. (2024). *Ханское правосудие. Очерки истории суда и процесса в тюрко-монгольских государствах: От Чингис-хана до начала XX века*. Высшая школа экономики.
- Почекаев, Р. Ю. (2017). Эволюция правового статуса бухарцев в российском законодательстве XVIII–XIX вв. *Вестник Российского университета дружбы народов*, 21(1), 53–70. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-1-53-70>
- Почекаев, Р. Ю. (2018). Право и суд в Бухаре и Хиве первой половины XIX в. Глазами российских и британских путешественников. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*, 3, 51–63. <https://doi.org/10.7868/S0869190818030044>
- Почекаев, Р. Ю. (2019). *Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в*. Высшая школа экономики.
- Почекаев, Р. Ю. (2022). Борьба России против жестоких уголовных наказаний в Бухарском эмирате (коммуникационные аспекты). *Вестник Новосибирского государственного университета*, 21(8), 91–102. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-8-91-102>
- Пузырев, И. Д. (2021). К вопросу о землевладении сибирских бухарцев. В *Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI – XIX вв*. Выпуск 1 (с. 248–270). Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

- Путешествие Анри Мозера в Хиву и Бухару в 1883 году. (2020). [Видеозапись].
<https://www.youtube.com/watch?v=ZDLmQO7aBTU>
- Таджиева, Ф. Ж. (2022). *Хива хонлигида қулчилик муносабатлари моҳияти ва ижтимоий оқибатлари* [The Essence and Social Consequences of Slavery in the Khiva Khanate]. Sadridin Salim Buxoriy. (На узбекском).
- Тойнби, А. Дж. (1991). *Постижение истории*. Прогресс.
- Чаккиев, Д. Ю. (2003). *Древности горной Ингушетии*. Кавказская здравница.
- Шодиев, Ж. М. (2008). *Бухоро амирлигини ташкил топиши ва давлат тузуми* [The Establishment of the Bukhara Emirate and its State Structure] [Диссертация доктора исторических наук].
- Шоев, И. (2023). Судебное дело в Бухарском эмирате. *Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук*, 3(S/3), 7–15. <https://doi.org/10.47390/SP1342V3SI3Y2023N01>
- Юсупов, М. С. (2016). *Суд в Бухаре. Судостроительство и судопроизводство в Бухарском эмирате в конце XIX - начале XX в.*
- Ян, В. Г. (1988). Голубые дали Азии (Записки всадника). В *Собрание сочинений в 4 томах* (Т. 4, сс. 481–557). Правда.

References

- Abbot, J. (1884). *Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow and St. Petersburg During the Late Russian Invasion of Khiva* (Vol. 1). W. H. Allen.
- Abdurrasulov, U. V. (2015). Khiva in Search of Justice: The Arzdod Ceremony in the Khiva Khanate. *History of Uzbekistan*, 2, 27–39. (In Russian).
- Akhriev, A. M. (2024). Review of the Book by D. Yu. Chakhkiev, *Antiquities of Mountainous Ingushetia*. Nazran, 2003. 143 pp. *Bulletin of the Ch. E. Akhriev Ingush Research Institute of Humanities*, 1, 151–157. (In Russian).
- Amirshoev, K. Sh., & Abdulov, A. M. (2014). Tajik Prisons Through the eyes of Russian Authors. *Bulletin of the Institute of Philosophy, Political Science, and Law named after A. Bakhvadinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan*, 2, 116–123. (In Russian).
- Antonova, L. V., & Mikheev, D. V. (2025). British Colonial Heraldry as a Reflection of Imperial Building in the late 18th – Early 20th Centuries. *Journal of Frontier Studies*, 10(2), 187–218. <https://doi.org/10.46539/jfs.v10i2.641> (In Russian).
- Babozhonov, D. K. (2024). *History of the Ichan-Kala State Museum-Reserve (1920–2020)*. Monograph – photo album. Milleniumus Print. (In Russian).
- Bakieva, G. T. (2011). *Custom and Law: Essays on the Legal Culture of Siberian Tatars in the 18th and Early 20th Centuries*. Geo. (In Russian).
- Barnaby, F. G. (1876). *Trip to Khiva*. Gorodets. (In Russian).
- Bizyukov, S. N. (2011). On the Foreign Borrowings in the Islamic Law During its Formation Period. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 1, 40–58. (In Russian).
- Bortnikova, O. N. (1999). *The Emergence and Development of the Penitentiary System in Western Siberia, 1801–1917* (p. 353). [Doctoral Thesis]. (In Russian).
- Burbank, J., & Cooper, F. (2010). *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton University Press.

- Chakhkiev, D. Y. (2003). *The Antiquities of Mountainous Ingushetia*. Kavkazskaya zdravnitsa. (In Russian).
- David, R., & Brierley, J. E. C. (1978). *Major Legal Systems in the World Today: An Introduction to the Comparative Study of Law*. Simon and Schuster.
- Dobrosmyslov, A. (1910). On the History of Our Relations with Khiva. Report by Translator Gulyayev and clerk Chuchalov of the Orenburg Governor's Office on their Arrival in Khiva, on the Events that Took Place at that Time in the Khiva Khanate, and on the Restrictions they were Subjected to by Order of the Khan. In *Minutes of Meetings and Reports of Members of the Turkestan Circle of Archaeology Enthusiasts. Year XIV* (pp. 69–81). (In Russian).
- Gernet, M. N. (1951-1956). *History of the Tsarist Prison*. In five volumes. State Publishing House of Legal Literature. (In Russian).
- Henri Moser's journey to Khiva and Bukhara in 1883. (2020). [Video recording]. <https://www.youtube.com/watch?v=ZDLmQO7aBTU>
- Ignatovich, A. V. (1914). Captivity in Khiva. Memoir by M. Sh. Aitov. In *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission. Issue XXX* (pp. 101–102). Electro-Printing House of the Turgai Regional Administration. (In Russian).
- Ismailov, M. A., & Suleymanov, Z. M. (2016). The Judicial System of the Dagestan Region as Part of the Judicial System of the Russian Empire: Especially the Adaptation and Integration. *Law Herald of Dagestan State University*, 19(3), 29–36. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2016-19-3-29-36> (In Russian).
- Ivanov, P. P. (1939). Archive of the Khiva Khans. New Sources for the History of Central Asia in the 19th Century. In *Notes of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Issue VIII* (pp. 5–26). Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian).
- Joireman, S. F. (2001). Inherited legal systems and effective rule of law: Africa and the colonial legacy. *The Journal of Modern African Studies*, 39(4), 571–596. <https://doi.org/10.1017/S0022278X01003755>
- Karimov, E. (2007). *Registers of Kazakh Documents and Khan Decrees of the Khiva Khanate from the 17th to the early 20th Centuries*. Fan. (In Russian).
- Kochnev, A. V. (2017a). Russian Subjects Captured in Khiva at the End of the 18th – Beginning of the 19th Centuries: Ways of Problem Solving and Consequences. *Tomsk State University Journal*, 423, 100–104. (In Russian).
- Kochnev, A. V. (2017b). The Khivian Factor in the Russian Empire Foreign Policy on the Casp of the XVIII-th – the First half of the XIX-th Centuries. *Scientific Notes of Khujand State University Named after Academician B. Gafurov. Series of Humanities Sciences*, 2, 26–31. (In Russian).
- Krasheninnikova, N. A., & Trikoz, E. N. (2017). Indian Penal Code of 1860: The History of Creation and Special Features. *Izvestiya from the Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 4, 183–206. (In Russian).
- Krasheninnikova, N. A., & Trikoz, E. N. (2018). Goals and Punishments in the Criminal Code of India of 1860. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 1, 23–43. (In Russian).
- Krupenkin, E. N. (2016). Relations Between the Russian Empire and the Khanate of Khiva in 1867–1870. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 404, 101–104. <https://doi.org/10.17223/15617793/404/15> (In Russian).

- MacGahan, J. A. (1874). *Campaigning of the Oxus and the Fall of Khiva*. Sampson Low, Marston, Low, and Searle.
- Matkarimova, S., & Bekmuhammad, U. (2025). *The Khiva Khanate during the colonial rule of the Russian Empire, 1873–1917*. Bukhoro. (In Uzbek).
- Muhitdinov, A. A. (2018). Historic-Legal Aspects of Forensic System in Kokand Khanate. *Bulletin of TSULBP. Series of Social Sciences*, 1, 103–110. (In Russian).
- Muhitdinov, A. A. (2020). Legal proceedings in the emirate of Bukhara. *Gosudarstvo i Pravo*, 10, 129–135. <https://doi.org/10.31857/S102694520012310-2> (In Russian).
- Nadiroca, S. A. (2023). Zindan in the System of Coercive Apparatus of the States of the East. *Threats and Risks in Southern Russia Amidst the Geopolitical Crisis*, 215. (In Russian).
- Naryshkina, N. I. (2012). Problem Interpretation of the Term “Prison” in Europe (Historical Aspect). *Bulletin of Vladimir Law Institute*, 3, 194–197. (In Russian).
- Naumenko, O. N. (2020). The North Indigenous Peoples and the Inquisitorial Nature of Yamal and Yugra Prisons in the XVII – at the beginning XX centuries. *Bylye Gody*, 58(4), 2315–2323. <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2315> (In Russian).
- Naumenko, O. N., & Abdullaev, U. I. (2024). Adaptation of Sharia Law to Russian Criminal Law by Population of Western Turkestan and Siberian Bukharans in Late 18th–Early 20th Centuries. *Nauchnyi Dialog*, 13(5), 437–455. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455> (In Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2017). Evolution of the Legal Status of Bukharans in Russian Legislation of the 18th–19th cc. *RUDN Journal of Law*, 21(1), 53–70. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-1-53-70> (In Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2018). Law and Court of Bukhara and Khiva in the First Half of the Nineteenth Century in Views of Russian and British Travellers. *Vostok. Afro-Aziatskie Obschestva: Istoriia i Sovremennost*, 3, 51–63. <https://doi.org/10.7868/S0869190818030044> (In Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2019). *The State and Law in Central Asia through the Eyes of Russian and Western Travelers in the 18th–Early 20th Centuries*. Higher School of Economics. (In Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2022). Russia’s Fight against the Savage Punishments in the Emirate of Bukhara (Communicative Aspects). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 21(8), 91–102. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-8-91-102> (In Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2024). *Khanic Justice. Essays on the History of Courts and Trials in Turkic-Mongolian States: From Genghis Khan to the Early 20th Century*. Higher School of Economics. (In Russian).
- Puzyrev, I. D. (2021). On the History of Land Tenure by the Siberian Bukharians. In *The System of Land Ownership and Social Categories of the Population of the Volga-Urals and Western Siberia of the XVI – XIX centuries*. Issue 1 (pp. 248–270). Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russian).
- Sartori, P., & Abdurasulov, U. (2020). *Seeking Justice at the Court of the Khans of Khiva: (19th – early 20th Centuries)*. Brill.
- Shodiev, Zh. M. (2008). *The Establishment of the Bukhara Emirate and its State Structure* [Doctoral Thesis]. (In Russian).
- Shoev, I. (2023). Court Case in the Bukhara Emirate. *Actual Problems of Humanities and Social Sciences*, 3(S/3), 7–15. <https://doi.org/10.47390/SP1342V3SI3Y2023N01> (In Russian).

- Sparrow, K. L. (2011, September 19). *The Oubliette: A Torture of Unspeakable Horror*. Owlcation. <https://owlcation.com/humanities/oubliette-french-torture-halloween>
- State Budgetary Institution of the Tyumen Region State Archives in Tobolsk (SBITR SA in Tobolsk). (1806). F. I329. In. 13. C. 164. (In Russian).
- State Budgetary Institution of the Tyumen Region State Archives in Tobolsk (SBITR SA in Tobolsk). (1822). F. I329. In. 13. C. 780. (In Russian).
- State Budgetary Institution of the Tyumen Region State Archives in Tobolsk (SBITR SA in Tobolsk). (1843). F. I8. In. 1. C. 253. (In Russian).
- State Budgetary Institution of the Tyumen Region State Archives in Tobolsk (SBITR SA in Tobolsk). (1857). F. I20. In. 1. C. 9. (In Russian).
- Tajieva, F. J. (2022). *The Essence and Social Consequences of Slavery in the Khiva Khanate*. Sadriddin Salim Buxoriy. (In Uzbek).
- The Oubliette Of The Tower Of London—History’s Most BRUTAL Torture Method.* (2023). [Video recording]. <https://www.youtube.com/watch?v=d-dEaSaYYHc>
- Tohir va Zuhra. (1945). [Video recording]. Uzbekkino. <https://www.youtube.com/watch?v=KceA1cdHiHA>
- Toynbee, A. J. (1991). *A Study of History*. Progress. (In Russian).
- Underground Prison (Zindan) in the Citadel of Naryn-Kala.* (2021). Historicalbaggage.rf. <https://historical-baggage.ru/post/podzemnaya-tyurma-%28zindan%29-v-citadeli-naryn-kala-710?ysclid=m9nut78m10546034718> (In Russian).
- Vasiliev, A. D. (2013). *The Foreign Truths: Free World vs Prison of Peoples*. *Political Linguistics*, 3, 12–21. (In Russian).
- Yan, V. G. (1988). *Blue Distances of Asia (Notes of a Horseman)*. In *Collected works in 4 volumes* (Vol. 4, pp. 481–557). Pravda. (In Russian).
- Yusupov, M. S. (2016). *The Court in Bukhara. Judicial System and Legal Proceedings in the Bukhara Emirate in the Late 19th - early 20th Century*. (In Russian).